

И. С. Тургенев

Повести, сказки и рассказы Казака Луганского

И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах.

Сочинения в пятнадцати томах.

М.-Л., Издательство Академии Наук СССР, 1960

Том первый. Стихотворения, поэмы. Статьи и рецензии. Прозаические наброски (1834-1849)

[OCR Бычков М. Н.](#)

ПОВЕСТИ, СКАЗКИ И РАССКАЗЫ КАЗАКА ЛУГАНСКОГО. Санкт-Петербург. В Гутенберговой тип. 1846. Четыре части. В 12-ю д. л. В I-й части 474, во II-й -- 477, в III-й -- 488, в IV -- 529 стр.

Читателям "Отечественных записок", может быть, со временем представится подробная и по мере возможности полная оценка сочинений В. И. Даля; теперь же мы намерены ограничиться общою характеристикой этого замечательного и самобытного дарования. Помнится, какой-то плохой стихотворец воскликнул однажды, что если б небо позволило ему избрать свой жребий, он пожелал бы сделаться не действительным статским советником, не миллионером -- а именно народным писателем. Небо не всегда внимает молениям смертных; оно оставило стихотворца при его рифмах, а Казаку Луганскому, вероятно, без всякой с его стороны просьбы, определило быть писателем действительно народным. Мы более всего ценим в таланте единство и округленность: не тот мастер, кому многое дано, да он с своим же добром сладить не может, но тот, у кого всё свое под рукой. А г. Далию и многое дано, и владеет он своим талантом мастерски, особенно там, где он у себя дома.

Мы назвали г. Даля народным писателем и должны оправдать это название. У нас еще господствует ложное мнение, что тот-де народный писатель, кто говорит народным язычком, подделывается под русские шуточки, часто изъясняет в своих сочинениях горячую любовь к родине и глубочайшее презрение к иностранцам... Но мы не так понимаем слово "народный". В наших глазах, тот заслуживает это название, кто, по особому ли дару природы, вследствие ли многотревожной и разнообразной жизни, как бы вторично сделался русским, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом. Мы употребляем здесь слово "народный" не в том смысле, в котором оно может быть применено к Пушкину и Гоголю, но в его исключительном, ограниченном значении. Для того, чтоб заслужить название народного писателя в этом исключительном значении, нужен не столько личный, своеобразный талант, сколько сочувствие к народу, родственное к нему расположение, нужна наивная и добродушная наблюдательность. В этом отношении никто, решительно никто в русской литературе не может сравниться с г. Далем. Русского человека он знает, как свой карман, как свои пять пальцев. Когда, лет десять назад, появились первые рассказы Казака Луганского -- они обратили на себя всеобщее внимание читателей русским складом ума и речи, изумительным богатством чисто русских поговорок и оборотов. Нельзя было признать в них особенно художественного достоинства со стороны содержания, но своим неподдельным и свежим колоритом они резко отличались от пошлого балагурства непризванных народных писателей. Как первые опыты сильного таланта, эти сказки замечательно хороши; но такого рода сочинения не имеют еще истинно литературного значения... И автор не остановился на них: Казак Луганский стал Далем. Г-н Даль находится теперь в самом расцвете своего таланта, и лучшие его произведения появились в последних годах.

Постараемся определить составные элементы его таланта. Г-н Даль очень умен,-- в этом нет сомнения; но он еще более смышлен, смышлен русской смышленостью. На своем веку он, должно быть, видал и смекал многое. У него мало юмора, но русского, игривого остроумия у него бездна. Он, как говорится, себе на уме, смотрит невиннейшим человеком и добродушнейшим сочинителем в мире; вдруг вы чувствуете, что вас поймали за хохол, когти в вас запустили преострые; вы оглядываетесь,-- автор стоит перед вами как ни в чем не бывало... "Я, говорит, тут сторона, а вы как поживаете?" Русскому человеку больно от него досталось -- и русский человек его любит, потому что и Даль любит русского человека, любит дворника с его съедомым утиральником и с грязной щеткой, на которую он в раздумье опирает свою бороду. Слог у Даля чисто русский, немножко мешковатый, немножко небрежный (и нам крайне нравится эта мешковатость и небрежность), но меткий, живой и ладный. Казак Луганский (недаром казак!) не поднимается на ходули, не говорит нам: "Я, господа, вам расскажу то и то; я презлой, преумный и пренасмешливый человек..." Куда! Послушать его -- он ниже травы, тише воды. Но в его